

Литературное Оренбуржье

Вряд ли найдется много людей в стране, которые на протяжении десятилетий переписывались, встречались с Михаилом Александровичем Шолоховым. Николай Федорович Корсунов переписывался и встречался. Дружили семьями, и Корсуновы не раз приезжали в Вешенскую, на берега тихого Дона, воспетого одним из величайших писателей XX века, а Шолоховы приезжали на Урал, которому еще не посчастливилось обрести художника такого масштаба.

И не счастливый случай, не каприз судьбы, подарившей драгоценный лотерейный билетик, и не только любовь к рыбалке и к неяркой, неброской красоте степных просторов причина их многолетней дружбы. Принадлежность обоих к казачьему сословию и к тяжелейшему, требующему громадных душевных сил писательскому труду, да чувство личной ответственности за все, «чем слово отзовется», сближало их несмотря на значительную разницу в возрасте.

А общение с величайшим мастером художественного слова побуждало Корсунова, автора почти двух десятков романов, повестей, пьес, тепло встреченных критикой и читательской аудиторией, еще более требовательно относиться к своему творчеству. Над романом «Высшая мера», одним из самых значительных эпических произведений о Великой Отечественной войне, Николай Федорович работал без малого четверть века.

А родился Н. Корсунов в Уральской области, в поселке Красноармейске. В годы войны подростком сел за рычаги управления трактором, потом работал помощником бригадира.

Служил на флоте, потом вернулся в родные края. Стал пробовать силы в журналистике, в художественной прозе, работал в газете и после публикации нескольких книг возглавил Уральскую межобластную организацию писателей Казахстана.

После развала, распада страны Н.Ф. Корсунов стал изгоем в родных краях. За голову писателя, отстаивающего интересы русскоязычного населения, новоявленные князьки и баяны даже назначили солидное денежное вознаграждение. Корсуновы вынуждены были переехать в Оренбург, а в 1997 году Николай Федорович возглавил областную писательскую организацию. Как сказали бы раньше, Н.Ф. Корсунов проводит большую общественную работу, а если расшифровать эту казенную, блеклую фразу, то стремится он возродить и укрепить в нас чувство собственного достоинства и уважения к своей стране, к ее национальным традициям, культуре и истории, которую по науськиванию денежных мешков, лжедемократов и прочих «прорабов перестройки» старательно чернили и пачкали насмешливые «телезвезды» и «борцы» за свободу слова последние годы минувшего столетия.

На днях Николаю Федоровичу исполняется 75 лет. Поздравляя его от имени всех читателей, мы желаем ему здоровья и творческих успехов.

Сегодня мы публикуем отрывок из его документальной повести (сам писатель скромно называет это произведение очерком) «Не бывшем поросло», опубликованной в альманахе «Гостинный двор».

С.МИРОНОВ.

казак! Потому что фамилия у него редкая, но истово, корнево казачья: Емуранов. Иван Павлович Емуранов.

- Есть хотите? - спросил внезапно.

Мы росли, и есть всегда хотелось, учитывая то, что большинство из нас было с ближних хуторов, к концу недели харчишки, взятые с собой из дома, безбодно быстро истощались, но мы озадаченно молчали, здраво полагая, что ни горячий похлебчик, ни шматка сала он нам не предложит.

Иван Павлович приставил костыли к стене рядом с доской, подскочил на одной ноге к столу и опустился на табурет.

- Я буду вас, ребята, кормить, - сказал торжественно, вставляя, не утирая слезы, губ улыбки.

- Буду кормить наукой о нашем великом языке, о нашей великой родной литературе.

И Иван Павлович приступил к «кормежке». Он встал, подцепил левой рукой один костыль, сунул его под мышку, а в другую взял мелок.

- Начнем же мы с того, что каждый выучит старинный русский алфавит, чтобы вам, культурным советским школьникам, не бекать и не мекать. Принято? Молчание - знак согласия.

Так и пошло. Отставив один костыль к стене, с другим, кособочас, оттопыривая раненую

не мог одолеть на костылях, брали самые просторные салазки и мчали к емурановской мазанке, чуть ли не силой усаживали в них учителя и бегом, с шутками, распеванием бурсацкой стихии, смехом катили в школу. Нашу инициативу он воспринял в общем-то с веселым и радостным пониманием, хохотал вместе с нами и на всю улицу читал стихи, а у колодца, опустив к ногам коромысла и ведра, бабоньки качали голову, но судачили доброхотно, с казачьим невытравимым выговором:

- Ну, чисто с ума прыгнул Павлыч, ха-ха! Тетка его бает, быдто он всегда едыкий ералашный, сызмальства, завсегда с придумкой. И оне с ним, ну, чисто их шутиха чекочит!

- Воистину, кума! Я ему: Павлыч, аль наших девок мало - немку подкрендели?

- Она для него, похож, как солнышко в голубом небе. Ну и пущай, его воля, а девушка она, слышно, приятственная и добрая.

- А председателю сельсовета, бают, шибко его отговаривала: мол, не расписывайся с немкой, она у меня постоянно отмечается по ныквыддинской линии...

Пожалуй, самый раз пояснить: наш Иван Павлович влюбился в огнисто-рыжую, конопатую Марту Адольфовну! Сначала

кое-кто еще из ребят не пошел на выходной в свои хутора. Уже не знаю, чем мы могли помочь Ивану Павловичу, но в то воскресенье хотели быть близ него.

И хотя в воскресенье разыгралась пурга, крутило так, что ближней избы не видно, в контуре колхоза потянулись к вечеру люди. С начала войны контурная стала вроде маленького клуба, вроде хуторского штаба: сюда уполномоченные из района и области приезжают, сюда газеты приходят, все наиважнейшие слетни и неслетни из первых, почтай, уст.

Не пожалели кизяков - натопили до истомы, по стенам зажгли керосиновые лампы. В первой, большой, комнате по лавкам и табуреткам неспешно рассаживались старики и молодые, распуская шаленки, шулеки, фуфайки, также старички и прочие нестроение мужичье. Мы, зеленая лапша, сбились в угол, на подоконнике играли в шашки, вели себя смирно, чтоб не прогнали. В председателеский кабинет проходили только партийцы, впрочем, не закрывая за собой дверь, и что они там говорили - было слышно всем.

Мелкими элегантными шажками прошуршал туда директор школы Ким. Мы заснухались в углу. Вот! Корец, тоже высланный, как и немцы волжские, а ничего! Партийный. На нашей историчке, русской, женился. Где справедливость?

Ладно, сейчас речь о члене ВКП(б) Емуранове и его жене-немке, взявшей мужнину фамилию.

Из района еще вчера с почтой сообщили, что такой-то обязательно сегодня приедет. Ждите! По эдакой-то пурге? 60 километров? Н-н! Что ж, ладно, подождем, не шибко гордые. Без Ивана Павловича все равно у них ничего не получится. А он что, дурак, что ли, идти по такой выюге на костылях?

Ввалился весь заснеженный деднышка Балабан, такое у него прозвище, а настоящей фамилии, пожалуй, даже сами рожковцы уже не помнили: Балабан да Балабан. Он долго вытряхивал снег из всех мыслимых и немыслимых прорех шубейки, в которой, наверное, еще его пращур на Мамай ходил. Наконец выпрямился, пропел простуженной фистулой:

- Шире, дале с пирогами, дай дорогу с табаком! Бабыньки, дозвоьте при вас высморкаться!

Хохотнул, засмеялся народ, подпрыгнули огоньки в лампах. Но председатель сельсовета Панова, костистая, как вяленая воля, гнет свое, пытается партийцев, дошупывается:

- Ну, што, как будем с Павлычем?

- Да уж как, - ответствовали те, - полетит пух по чисту полю, а перышки - по бережку...

- Может, поугаем для близиру? - опять гнет свое председателюша.

- Он те, райком, поугае! Сама партбилет выложись...

Деднышка Балабан итжит философски:

- Все с этой войной наизворот пошло. Наплывы, незнаемы все, хоша возьми корейцы, хоша вакуированные белорусцы да еврейцы, хоша эти ж волжские немцы - никого досель не знали. А оно вроде и ничего, обнюхались, ладом живем... Третьево дни видел Павлыча с забавушкой его - гошая пара-то. Киб ни немка! - Вдруг вскинул бородачку, как бы нацелил в кого-то: - А хоша и немка - чего тут?! Мы их, немцев, уж расчихали под Сталинградом, погна! А Марта - че? Она - ни че! Натуральная, нашенская. Застоять надо Ваньку! А как же!

- Деднышка, - пытаю я, присовываясь к Балабану, - ты, говорю, в Первую мировую был в плену у немцев. Как у них, какие они?

Он отмахивается vareжками, общими брезентом:

- А! Почти как мы, но похуже,

конешно. Кабы такие ж, рази полезли б опять на нас? Правильно делает товарищ Сталин, не надо пущать их никого к нам, ни немцев, ни французов, ни протчую шуштуру. Чужих надо бить, чтоб не повадно было соваться, а своею-то зачом! Нет, вы там, партийцы, не трог Павлыча!

- Пра, конечно! - подхватились женщины.

Все начали хабряться, дескать, ничего особенного, любовь промех ними случилась, «зачом» искоренять Божеское? Наверное, и оттого смелели, что погода не на шутку расштурмовалась, не пустит в Рожков нежеланный посланца. Да и Иван Павлович не собирается предстать пред его очами, иначе б давно как-нибудь прикостылялся.

Но вот, взвизгнув на промороженных петлях, отмахнувшись входная дверь, и через порог легко, деловито шагнув даже не запорощенный райкомовец (видю, из огромного казенного тулупища вынырнул, оставив его в вазе при кучере с парой копей). Поздоровался общим кивком. Левая бровь веко придавила, как целится, а правая курком взведена. Длинная кавалерийская шинель метет пол, а шапка, здоровущая, из матерого пса сшита. Не впервой, похоже, здесь: прямиком в кабинет, плотно прикрыл за собой дверь. Но она тут же отворилась - высунулась Панова:

- Джигиты, а ну за Иваном Павловичем! Санки в руки и одна нога здесь, другая там!

Джигиты, то есть мы, не всполыхнулись, наоборот, еще больше сгубились вокруг сражающихся шашечников.

Не знаю, что было бы дальше, но тут коридорная дверь тягуче заскрипела, и вслед за морозным облаком через порог цокнули костыли Ивана Павловича, перескочила и его нога в подшитом валенке... Поскрипывая костылями, учитель прошел в кабинет.

В конторе установилась тишина. А за окнами гудело, штормало, от ударов пурги по окнам испуганно приседали огоньки в лампах. Прервалась тишина бабьим вздохом:

- О-е-е-шеники!

Деднышка Балабан констатировал:

- Расчихают Емурашку нашего родного. Эту, из выкыльбы, больно уж не показалось мне...

Все еще более заскучнели.

Мы с Журавлевым Ванькой, с родственником, побежали к ним за салазками для учителя. Чтоб потом отвезти его домой.

После зимних каникул в школу я не вернулся: войну надо было кормить, я стал трактористом, а в 44-м ушел в армию. Об учителе знал, что после исключения из партии ему не разрешили работать в школе. Поправившись, он попросился на фронт. Марта Адольфовна со своими уехала якобы в глубь Казахстана.

И вот...

Это был сын Ивана Павловича Емуранов. Он подвел меня к вокзальному дивану, на котором сидела старая-старая женщина, с поблекшими добрыми глазами, но с копной непорочных, пышно волнистых волос. Они были чисты и белы, как первый снег. Какой-то глубинный позыв побудил меня глянуть на них глазами детства, снова увидеть незабываемый цвет - ярко-рыжий, жаркий, в котором непорочной голубизной светили глаза 1942 года.

Я склонился к этой женщине, взял ее тонкую легкую руку и поцеловал.

Емурановы всей большой семьей уезжали в Германию. В современном Казахстане они оказались «некоренными», а в России - ненужными. Но прежде они хотя бы побывали у братских могил под Белгородом, где в 43-м сложил голову Иван Павлович.

А в Германии появится род со странной неказачьей фамилией - Емурановф...

Иван унд Марта

КОллаж АНАТОЛИЯ ВОЛОВОДА.

В странном государстве мы, право, живем: даже в железнодорожной кассе чуть ли не автобиографию, написанную от руки в двух экземплярах, спрашивают. Стоит впереди меня человек лет пятидесяти без шапки, седая грива волниста, с золотистым отблеском, в который раз, нагибаясь к окошку кассира, повторяет фамилию:

- Е-му-ра-нов! Что непонятного?! Емуранов Иван Иванович!

Фамилия редкостная, но все-таки встречающаяся среди уральских казаков. И не столько фамилия, сколько голос меня почему-то насторожил, я невольно зашел сбоку, глянул в лицо говорившего. Крупный, бульбой, нос, кустистые черные брови, черные глаза и глубокая ямка на подбородке... Как он напоминал моего недолгого учителя, тоже Емуранова!

- Вы в хуторе Рожкове жили? Он обернулся, вопрошающе, изучающе поиграл бровями:

- Нет. Но я родился в нем. А что?

Господи, если это сын того Емуранова, то...

Надобно сказать, что хутор Рожков был пупом, средоточием образовательной, культурной жизни нашей округи радиусом в двадцать - тридцать километров, потому как в нем открыли школу-десятилетку, а все эти остальные ближние хутора: Мадянов, Чигрин, Чинарев, Чеботарев, Петров, мой родной Чесноков - имели начальные четырехлетки. Отсюда понятно, что Рожков был скопищем мальчишек и девочек от пятого до десятого классов, жили мы кто в интернатах, кто на квартирах по родственникам и знакомым.

Ну, стало быть, так: осень 42-го, занятия в школе начались с месячным запозданием, ибо все мы в сентябре косили, пахали, копали, сеяли, обмывали колхозные коровники, возили к базам сено и т.д.

В общем, занятия в школе - с первого октября. В довоенные времена пришкольный двор кишит, особенно в первый день учебы. Ныне - пожиже: кто-то остался на колхозной да эмтээсовской работе, а кого уж на войну призвали, к примеру, 1924 год рождения. Не встретись, скажем, комсомольского вожака школы Ивана Мордасова, в 43-м за форсирование Днепра он будет удостоен звания Героя Советского Союза. Посмертно.

Живо распространяется слух: в Рожков приехали немцы! И немецкий нам якобы будет

преподавать настоящая немка. Так и случилось.

Она пришла в наш седьмой класс в первый же день занятий. Остановилась у стола напротив нас, вежливо поднявшись за откинутыми крышками парт: высокая, сухоощавая и какая-то по-особенному ненашенская - то ли конопатостью своей, то ли густорыжеволосостью и огромными кукольно-голубыми глазами - прямо-таки чаши огромные, наполненные голубым, которое как бы освещало и холодило каждого, на ком останавливались глаза.

Произнесла:

- Guten Tag! Sich setzen!

То есть «Добрый день! Садитесь!». Дождалась, пока отстреляют опускаемые крышки парт, и представилась:

- Я ваша новоява учительница немецкого языка. Меня совет Марта Адольфовна...

- Гитлер! - ляпнул Иван Журавлев, уткнувшись почти под самую парту.

Класс поощрительно, но осторожно засмеялся, глядя на вспыхнувшую учительницу с острым любопытством. Еще бы! Мы впервые в жизни видели настоящую живую немку. Мы, хуторяне, вообще многие видели впервые. Например, около пяти лет назад, ночью, под окнами нашей мазанки за тормозила полторка, и председатель Александров подкал согнутым пальцем в верхнее звеношко: «Корсуновы, к вам квартирантов ставим!» Ко всем, у кого был хоть кое-какой избяной простор, вселяли корейские семьи, привезенные с Дальнего Востока. У нас семья из пяти человек разместилась в задней половине избы. Внешне корейцы напоминали наших казахов: смуглые, раскосые. Нам, само собой, намекали, что с ними уши надлежит держать топориком, потому как все они насквозь тайные японско-китайские шпионы и контрабандисты. Шпионы - это серьезно, а насчет контрабандистов... Они не страшные, мы с ними были знакомы по повести Лермонтова «Тамань», в которой его герой сожалел о том, что потревожил жизнь мирных контрабандистов.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Итак, мы увидели наконец настоящую живую немку. А потом узнали, что вместе с ней прибыли сюда мать ее и младший брат Антон, который тоже будет ходить в нашу школу, в седьмой класс. Диво, конечно, однако уважать мы ее, да еще с таким поганым отчеством, не собирались, что и продемонстрировал своей репликой Иван.

Марта Адольфовна переждала веселый ядовитый шумок, справилась с красными и белыми пятнами, проступившими на ее образцово-идеальном немецком лице, и сказала:

- Моя фамилия Браун, ты ошибся... Это, кстати, а какая твоя фамилия? Шуравлев? Я такой же Хитлер, как ты - настоящий шуравель...

Класс облегченно хохотнул и милостиво принял ее.

Уж вот кого мы зауважали, более того - возлюбили, так это нового учителя русского языка и литературы, появившегося после октябрьских праздников. Он вошел в класс на скрипучих костылях, топая вперед и в сторону бревно забитой ногой, от которой пахло карболкой, а от его линялой, почти белой гимнастерки, казалось нам, дохнуло пороховым дымом и окопной землей, будучи восторг и мальчишью завистью, желание поскорее подрасти. Весь он был как укор, как развильная ухмылка: сидите тут, в

тылу, деепричастные обороты, косинусы да А-В-С сидели на яйце, а там, на фронте... Не стыдно в такую пору зубрить всякую ерунду, которая, быть может, никогда в целую жизнь годов из ста не пригодится? Стыдно, чего уж там. Исподволь поеживались под тяжковатым, замедленным взглядом его черных глаз, придавленных черными кустистыми бровями. А вроде б чего виноватиться?! Не досрочно, не поспели еще! Зато у каждого, почитай, или отец, или брат, или другой родной человек воюет, а многим уж и похоронки пришли.

И вдруг «русак» будто застуженно-молнией реанул на губах, от угла до угла, улынулся широко-широко, вроде аж шире своих задранных костылями плеч. С облегченной готовностью заулыбались и мы, глядя на его редкие, «брехливые» зубы, на крупную шишку носа, на губоку, будто большим пальцем вдавленную ямку на подбородке. Ну своей в доску мужик! Нет -

ногу, Иван Павлович скакал перед нами, перед школьной доской, весело, азартно стучал по ней мелом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила. Это - когда урок русского. А на литературе вообще будто милом, втолковывая правила.

ла, когда мы стали замечать их вместе, шутили: Иван унд Марта - баден! В пятом классе, когда начал учиться немецкий, первая фраза в учебнике была «Анна унд Марта - баден», то есть купались. Анну мы заменили на Ивана. Когда же он повел ее в сельсовет расписываться, стали с почтением констатировать: Иван унд Марта - libel! Поднялись наше почтение и к самой Марте Адольфовне.

Как я уже говорил, был у нее младший брат Антон, парнишка общительный, веселый, верный. Всем нам он нравился, и когда кто-то напоминал о его акценте, национальности, мы дружно вступались: «Да какой он немец?! Он свой в доску кореш!»

На исходе декабря, незадолго до каникул, «свой в доску кореш» сообщил нам по секрету, с дрожью в голосе:

- Райком очень сердится. В воскресенье из райкома придет исключать Ивана Павловича за Марту...

В субботу, после уроков, я и